

Михаил Маклаков

Ksenia Tatarchenko. Soviet SCI_BERIA: The Politics of Expertise and the Novosibirsk Scientific Center. London: Bloomsbury Publishing, 2024. 288 pp. ISBN 9781350165847.

Михаил Маклаков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия. maklavovm-99@yandex.ru.

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 24-78-10184 «Формирование и развитие научно-технических кластеров в пригородах Москвы и Ленинграда/ Санкт-Петербурга в 1960-е – 2010-е гг.: вузы, наука, индустрия».

Больших исследований о Новосибирском Академгородке не выходило с 1997 года, когда Пол Джозефсон (Josephson 1997) в русле ревизионистского подхода представил сибирский научный центр как место оттепельной борьбы ученых против государства. За прошедшие годы в историческую науку было привнесено множество методологических и теоретических новшеств. В новой книге «Soviet SCI_BERIA: The Politics of Expertise and the Novosibirsk Scientific Center» Ксения Татарченко рассматривает сибирскую идентичность и процесс создания, внедрения и распространения языка математики в Новосибирском Академгородке.

Исследовательница давно занимается сюжетами, связанными с историей Новосибирского Академгородка и его отдельными персонами (Татарченко 2020). Один из основных тезисов книги сформулирован следующим образом: «Математик нашел способ интегрироваться в советский аппарат управления наукой, выбрав географический путь» (с. 24). Речь идет про Михаила Лаврентьева, отца-основателя Академгородка, и его интерес к культуре математизации – универсального способа проведения вычислений и исследований с помощью математики. Татарченко пишет об уникальном примере советского ученого и управленца: Лаврентьев с помощью своего эпистемологического подхода доказал советскому правительству собственную полезность, что позволило ему основать новое Сибирское отделение в структуре Академии наук СССР.

В основе книги – вопрос о значении локальной сибирской идентичности для советских ученых и их исследований. Татарченко интересуется, как советская наука и Сибирь взаимопределяли друг друга в позднесоветский период: как Сибирь стала «научной», а ученые «сибиряками». Для этого она исследует уникальный феномен Академгородка, который рассматривает как эксперимент позднесоветской модернизации и показатель перформативности науки. С ее точки зрения, научное знание в СССР не только создавалось, но и демонстрировалось, превращаясь в «витрину» и политический ресурс (с. 8). Это позволило автору рассматривать советскую науку не с точки зрения достижений или провалов и не как один из множества институтов, зависимых от государства, а как объект репрезентаций отдельных ученых и целых школ. Шесть глав книги раскрывают замысел автора. Приведенные ею примеры демонстрируют, как в позднесоветские годы создавались новые формы научной идентичности и локальности и как они вписывались в глобальные процессы.

Автор комбинирует несколько научных подходов, работая на стыке истории науки, исследований советской модернизации и локальности, чем продолжает традицию антропологического подхода в истории. Вслед за Полом Джозефсоном (Josephson 1997), Лореном Грэмом (Graham 1993), Алексеем Юрчаком ([2005] 2014) и Михаилом Пискуновым (2020) Татарченко интересуется устройством советской науки, понимая под ней «динамичную [. . .] систему, которая взаимодействует внутри себя и с внешним миром посредством языка, ритуалов и технонаучных объектов» (с. 10). В отличие от институциональной истории науки, Татарченко обрисовывает более богатую картину позднесоветской научной жизни, предлагая изучать не только открытия и достижения советских математиков и физиков или устройство советских академических институтов, но также условия работы и жизни ученых, их биографии и идентичность.

Книга написана на основе широкого круга источников: биографий ученых, архивных материалов (в том числе архивов Российской академии наук и ее Сибирского отделения) и ограниченного числа интервью. В исследовании Татарченко использует биографии как репрезентативные примеры, позволяющие проследить формирование экспертной идентичности. Центральными фигурами становятся Михаил Лаврентьев и Гурий Марчук – ключевые акторы институционального становления Академгородка. Татарченко показывает, что именно биографии позволяют понять, как проект научной модернизации обретал форму через личные карьерные траектории, включавшие техническую экспертизу, административные амбиции и публичное представление науки. В книге появляются и другие фигуры: Александр Горбань, Наталия Притвиц. Их истории раскрывают разнообразие научных жизней, педагогических стратегий и форм принадлежности к сибирскому научному сообществу. Биографии не составляют основного эмпирического корпуса, однако автор использует их как важное свидетельство происходивших в советской науке и судьбах ученых изменений. Для Татарченко важно, как сами ученые рассказывали о науке, что они выделяли как значимое и каким языком это оформляли. Этот подход позволяет ей работать на пересечении биографических методов, эмоций и институциональной истории, превращая отдельные рассказы о жизни в ключ к пониманию более широких структур научной жизни.

В первой главе Татарченко обращается к биографии Лаврентьева, показывая, как личный опыт ученого связан с формированием советской модели научной экспертизы. Через его карьеру она раскрывает, как математика стала инструментом власти и символом знания. Основатель Сибирского отделения Академии наук предложил рассматривать математику не как самостоятельную дисциплину, а как универсальный язык для технических наук в целом. В течение жизни он делал все от него зависящее для популяризации этой идеи. Задолго до создания систем анализа данных и программирования Лаврентьев смог ввести универсализацию знания. Татарченко определяет его научный успех как способность переформулировать конкретные инженерные задачи в более фундаментальные математические и физические проблемы.

Во второй главе автор исследует раннюю историю Новосибирского государственного университета, уделяя особое внимание студенческим шествиям и формам досуга. Через бахтинскую оптику карнавала (Бахтин 1965) Татарченко показывает, как студенческая культура отражала особое мироощущение и ценности молодых сибирских ученых. По ее мнению, вместе с верой в математику юные сибиряки обре-

тали ощущение своей инаковости: идентичность ученого-сибиряка (с. 68). В главе сравнивается опыт Новосибирского университета и Московского физико-технического института (Физтеха) и выстраивается интеллектуальная генеалогия способа подготовки кадров в Новосибирском Академгородке. Этот способ отличался от иных форм обучения в Советском Союзе связью образования, науки и производства.

В третьей главе Татарченко рассматривает историю научно-промышленного объединения «Факел». Объединение было создано на волне косыгинских реформ 1965 года, здесь впервые в Советском Союзе была опробована кооперация. Уходя в сторону от поиска капитализма в условиях социализма, автор удачно находит пересечения между мотивацией молодых людей по обе стороны «железного занавеса». Сравнивая советских и американских студентов, Татарченко показывает, что представления о науке в СССР отчасти были порождены технооптимизмом. На основании этой главы автор книги формирует образ выпускников Новосибирского государственного университета, завершивших обучение и вступивших в самостоятельную профессиональную и общественную жизнь.

В четвертой главе автор вновь обращается к биографии ученого. В фокусе ее внимания судьба и интеллектуальное наследие второго главы Сибирского отделения Академии наук – Марчука. Татарченко выделяет в профессиональном пути математика особенность, которая, по ее мнению, была характерна для второго большого поколения советских ученых. Вслед за Майклом Дэвидом-Фоксом ([2015] 2020) автор полагает, что за все время существования СССР в стране успело сложиться два поколения ученых: первое было связано с дореволюционной наукой и университетами, второе воспитано уже после революции. Если представители первого поколения опирались на досоветские традиции, то второе, по мнению Татарченко, было сформировано во многом под влиянием масштабных «технонаучных» событий середины XX века – Великой Отечественной войны и ядерной угрозы (с. 110). Такой вывод автор делает на основе дешифровки основного метода работы Марчука – алгоритмизации. Его докторская была посвящена расчетам в ядерной энергетике и сопряжена с фактором секретности. Он не мог разглашать результаты своих исследований в области атомной физики, поэтому вынужден был делать ставку на описание и продвижение разработанных им алгоритмов. По мнению Татарченко, этот процесс можно описать как фрагментацию знания. Поставив во главу своей исследовательской деятельности методы, а не результат, Марчук совершил реконфигурацию в эпистемологической системе Новосибирского Академгородка, которая определила характер деятельности ученых примерно с середины 1970-х годов.

В пятой главе Татарченко анализирует взаимосвязь «новой» науки в Сибирском отделении Академии наук с обширными пространствами Сибири. Сквозь математизацию, образование, в котором объединены наука и практика, и алгоритмизацию ученые Новосибирского Академгородка подошли к формированию образа «научной Сибири». Какими смыслами наделили ученые обширный регион за Уралом? По мнению автора, огромную роль в этом процессе сыграли позднесоветские дискурсы о «рациональности» и «развитии», привнесенные в политику инженерно-техническими работниками. Сибирские ученые предлагали собственную интерпретацию этих дискурсов, противопоставляя абстрактной советской рациональности – науч-

ное знание, а идее развития – добычу нефти и газа, тем самым закрепляя за собой роль активных участников в расстановке государственных приоритетов. Позднесоветская добыча природных ресурсов, по мнению Татарченко, определила образ региона и репрезентацию ученых Сибирского отделения.

В последней главе исследовательница вновь обращается к анализу подготовки кадров. Она рассматривает историю Физико-математической школы при Новосибирском государственном университете. Татарченко интересуют педагогические практики, с помощью которых сформировался свой стиль специального учебно-научного центра. Тот факт, что школа была интернатом, играет для автора большую роль в анализе образовательного процесса. Отрыв детей от семей и возвращение их в атмосфере рассказов братьев Стругацких формировало, по мнению Татарченко, особое поле «кибернетического воображаемого». В него входит система эпистемологии с уже упоминавшейся верой в математизацию, «личностная трансформация, основанная на человеко-машинных аналогиях» и особое ощущение времени (с. 187–188).

Половина книги посвящена школьникам, студентам и подготовке кадров. Педагогика в этом контексте – не просто исторический фон, а центральный механизм воспроизводства научной Сибири и ключ к пониманию того, как через отбор, обучение и социализацию будущих ученых формировались региональные особенности советской науки. «Это сделано для того, чтобы увидеть школу через идеалы ученых, преданных педагогическому эксперименту, через стремление педагогов, пропагандирующих ценности коллективизма и искренности, а также через достижения и неудачи учеников» (с. 13).

В работе нет заключения, но есть эпилог, в котором автор описывает современную жизнь в Новосибирском научном центре: заботы местных жителей, состояние городской среды – и задается вопросом о том, живут ли в Академгородке академики? Татарченко анализирует самые большие и известные проекты в истории сибирской экспертизы: нефтедобычу, IT-сектор и СКИФ (Сибирский кольцевой источник фотонов) – и приходит к выводу, что сибирские ученые до сих пор опираются в своей деятельности на математизацию, заложенную академиком Лаврентьевым. Предложенный им универсальный язык исследования поддерживает воспроизведение идентичности сибирского ученого, что является главным мотивирующим фактором в научно-исследовательской деятельности.

Одним из удачных приемов Татарченко является анализ языка. Описывая объекты, существующие в поле русского языка, исследовательница обращается к их этимологии. Например, в третьей главе при анализе «хозрасчетной реформы» она описывает контекст выражения, делая его понятным для английского читателя. Для слова «хозяйственный» она подчеркивает ассоциацию со словом «хозяин», вводит аспект морального авторитета, следовательно хозрасчетная реформа состоит не только из «счета», но включает категории ответственности (с. 84).

Для Татарченко позднесоветская наука – это часть транснациональной циркуляции знаний, что позволяет ей переосмыслить границы между центром и периферией, наукой и властью, локальным и универсальным. Однако, по моему мнению, интерес автора к сибирской науке можно охарактеризовать как интерес к кластеризации знания. Это концепция об организации знания, его распростране-

ния и усиления внутри определенных географических, институциональных или профессиональных сообществ (Porter 2008). Татарченко пытается связать воедино образование, науку, производство, предпринимательство и территорию. Способом их объединения служит математизация, но язык математики господствовал в естественно-научных исследованиях задолго до Лаврентьева. Что же в таком случае объединяет приведенные ею биографии ученых, историю школы, университета, научно-исследовательских институтов и научного центра в Сибири? На мой взгляд – преувеличенная автором роль языка советской науки и его значение для современного программирования. Развитие кибернетики не было уникальным достижением в истории Новосибирского Академгородка, оно шло и в других научных центрах страны. Однако если усомниться в том, что новосибирские академики создали свой язык советской науки, то вся книга распадется на отдельные эссе про героев, к которым автор испытывает симпатию.

Неудачным, на мой взгляд, оказался и выбор обложки книги. В центре ее изображен проспект академика Лаврентьева и здание, которое, по версии издательства, является зданием президиума Сибирского отделения Российской академии наук, но на самом деле – администрацией одного из районов Новосибирска. Вероятно, издатель хотел подчеркнуть роль академии в жизни региона, однако получилось, что во главе угла сибирской науки располагается районная администрация. В результате обложка выглядит ироничной метафорой представлений о том, что представляет собой сибирская наука.

Книга Татарченко заполняет важные лакуны в истории советской науки. Она предлагает взглянуть на процессы организации знания на советской периферии и тем самым не только расширяет географию изучения «советского» в СССР, но и прерывает «столицецентричность» в изучении советской науки. Книга будет интересна историкам науки, краеведам, историкам образования и всем, кто интересуется позднесоветским обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, Михаил. 1965. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М.: Художественная литература.
- Дэвид-Фокс, Майкл. (2015) 2020. *Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение.
- Пискунов, Михаил. 2020. «“Большая” история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки». *Вестник Томского государственного университета* 459:140–147.
- Татарченко, Ксения. 2020. «“Как же случилось, что вы так любите эти калькуляторы?”: Беседа Полины Колозариди с Ксенией Татарченко». *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре* 2:126–135.
- Юрчак, Алексей. (2005) 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.
- Graham, Loren R. 1993. *Science in Russia and the Soviet Union: A Short History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Josephson, Paul R. 1997. *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Porter, Michael E. 2008. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. New York: Simon & Schuster.